

**БОЛЬШАЯ
ВОЕННАЯ
ЭНЦИКЛОПЕДИЯ**





ВВЕДЕНИЕ

Среди огромной и разнообразной литературы, оставленной нам старым Китаем, особое место занимает литература по военному искусству. При этом, подобно широко известным классикам философии, и данная литература имеет своих классиков: древнему конфуцианскому «Пятикнижию» и «Четверокнижию» здесь соответствует свое «Семикнижие».

Это «Семикнижие» образовалось в результате продолжавшегося много веков отбора из очень большой военной литературы тех произведений, которые постепенно получили значение авторитетов в вопросах войны и военного дела. Свою окончательную форму отбор получил при сунской династии в последней четверти XI в. С тех пор эти произведения заняли положение общепризнанных классиков.

Трактатов всего семь, но наибольшее значение имеют два из них, поставленные на первое место: «Сунь-цзы» и «У-цзы», названные так по именам тех древних стратегов, которым традиция приписывает авторство если не самих этих сочинений непосредственно, то, во всяком случае, тех положений, которые там высказаны. Если «Семикнижие» в целом считается «канонем военной науки» (у-цзин), то основу данного канона составляют эти два трактата. Кстати сказать, они являются и наиболее древними: историческая традиция считает, что деятельность Сунь-цзы как полководца падает на конец VI и начало V в. до н. э.; деятельность У-цзы — на начало IV в. до н. э. Репутация этих двух трактатов такова, что уже с давних пор и в Китае, и в Японии принято было считать, что вообще

военное искусство старого Китая есть «военное искусство Сунь-У» (Сунь-У бин фа).

Однако недаром из двух трактатов на первое место поставлен «Сунь-цзы». Этот трактат создал основы военной науки старого Китая. В конце минской эпохи, т. е. в первой половине XVII в., Мао Юань говорил, что, возможно, и были трактаты по военному искусству до Сунь-цзы, но, во-первых, они до нас не дошли, а во-вторых, самое существенное, что в них имелось, вошло в состав учения Сунь-цзы; после Сунь-цзы появился ряд сочинений в этой области, но все они в конечном счете либо прямо развивают те или иные идеи Сунь-цзы, либо находятся под его влиянием. Поэтому, заключает Мао, вся военная наука в Китае целиком заключается в «Сунь-цзы».

Эти слова свидетельствуют прежде всего о том ореоле непререкаемого авторитета, которым было окружено имя Сунь-цзы даже в столь поздние времена, т. е. когда военная наука в Китае насчитывала уже множество сочинений. Конечно, Мао неправ: не все трактаты «Семикнижия» повторяют «Сунь-цзы» или исходят из него. Вполне оригинальными по содержанию могут быть признаны трактаты «У-цзы», «Вэй Ляо-цзы», «Сыма фа» и некоторые другие, но совершенно бесспорно, что по значению никто, даже прославленный «У-цзы», не может быть поставлен рядом с «Сунь-цзы». Под знаком «Сунь-цзы» идет вся позднейшая, по крайней мере с III в. н. э., военно-теоретическая литература старого Китая.

Эта роль «Сунь-цзы» не ограничивается одним Китаем. Совершенно такое же положение



Сунь-цзы. Рисунок эпохи Цин

занимал трактат Сунь-цзы и в прежней Корее, и в феодальной Японии: и там это был авторитет во всех основных вопросах, касающихся войны.

Новое время не отвергло «Сунь-цзы». И в XIX и XX вв. как в Китае, так и в Японии «Сунь-цзы» изучается специалистами военного дела наравне со старыми классиками военной научно-теоретической мысли других народов. Изучение трактата Сунь-цзы всегда составляло в этих странах необходимый элемент высшего военного образования.

Несомненно, в учении Сунь-цзы, обусловленном своей исторической эпохой, есть много черт, привлекавших к нему тех, кто вел захватнические войны. Военная идеология, нашедшая свое яркое выражение в трактате Сунь-цзы, являлась идеологией господствующих классов Древнего Китая и в дальнейшем прочно вошла

в военно-идеологический арсенал феодальных властителей Китая и Японии. Эта военная идеология — если рассматривать ее историческую роль на протяжении многих веков — была идеологией, необходимой тем, кто вел несправедливые, захватнические, грабительские войны. Но вместе с тем это учение никогда не пережило бы настолько свой век, если бы не содержало и иные черты, делающие возможным обращение к нему и тех, кто вели и ведут борьбу против захватчиков. Освободительная борьба такого характера и размаха, какая никогда еще не наблюдалась в истории Китая и которая привела к победе народно-демократических сил, свидетельствует, что ряд положений Сунь-цзы, критически освоенных применительно к иной исторической обстановке и иным целям вооруженных действий, оказался пригодным и в борьбе народа против его угнетателей.

Эти стороны учения Сунь-цзы, несомненно, представляют для нас особый интерес.

Таким образом, есть все основания для перевода этого древнего сочинения по военному искусству на русский язык. Вниманию специалистов, изучающих памятники военной науки, предлагается трактат Сунь-цзы — древнейшее и в то же время одно из наиболее широко известных произведений военной литературы в Китае, Корее, Японии. Этим самым появляется своего рода военно-теоретический комментарий к военной истории указанных стран, облегчающий изучение — с точки зрения характерного для ряда стран Дальнего Востока стратегического и тактического искусства — важнейших войн и сражений, которые там велись. Ввиду того, что Сунь-цзы и в Китае, и в Японии не отброшен новой военной наукой, стремящейся извлечь из его воззрений рациональное зерно, — знание данного трактата может быть небесполезным и для понимания некоторых сторон стратегии и тактики армий этих стран не только в прошлом, но и в новое время.

Есть одна специфическая сторона трактата, которой он в значительной мере обязан своей

широкой известностью. Многие из его общих положений всегда легко переносились из области войны в область политики и дипломатии. Поэтому трактат Сунь-цзы имеет известное значение для понимания поступков не только военных деятелей, но и политиков упомянутых стран Дальнего Востока, и притом отнюдь не только в отдаленные исторические времена.

Перевод трактата, предназначенный для современного читателя, неминуемо должен сопровождаться комментарием. Это необходимо прежде всего для того, чтобы раскрыть мысль Сунь-цзы, часто облеченную в такую форму, которая делает ее малопонятной для человека XXI в. Не нужно забывать, что манера, в которой Сунь-цзы излагает свои мысли, отличается от стиля, которым пишутся привычные нам теоретические работы. Сунь-цзы не доказывает, не разъясняет. Он только высказывает свои положения, и высказывает обычно в сжатой, афористической форме. Поэтому понять его мысль по ее буквальному выражению часто нелегко, и переводчику, не желающему превращать перевод в распространенный пересказ, нередко приходится предоставлять разъяснение этой мысли комментарию. Далее, нужно помнить, что Сунь-цзы употреблял слова и выражения своего времени, во многих случаях непонятные даже его китайским читателям позднейших времен. Поэтому перед переводчиком, не желающим европеизировать и модернизировать язык и стиль древнего китайского стратега, встает необходимость, оставив в переводе слова и выражения по мере возможности такими, каковы они в оригинале, разъяснить их в особом комментарии. И наконец, трактат Сунь-цзы принадлежит древней китайской культуре: все его содержание укладывается в круг понятий этой культуры, связано с определенной исторической обстановкой. Читатель может этой обстановки не знать, а без знания трактат Сунь-цзы не может быть полностью понят. То есть переводчик должен представить те или иные положения Сунь-цзы в свете китайской истории той эпохи.

Все эти причины и привели к тому, что к русскому переводу оказался присоединенным обширный комментарий, поясняющий фразу за фразой весь текст трактата. Переводчик стремился разъяснить смысл его отдельных понятий, смысл его положений и правил, а также установить внутреннюю связь между отдельными высказываниями и частями трактата в целом.

Составляя свой комментарий, автор старался вскрыть мысль Сунь-цзы, как она должна была представляться в его время. Ключ к идеям и положениям Сунь-цзы, конечно, пришлось искать, как только что было сказано, прежде всего в его эпохе. Этой эпохой, по убеждению автора, был так называемый период «Пяти гегемонов» (У ба), т. е. VII–VI вв. до н. э., точнее, конец VI — начало V в., — время, когда древний рабовладельческий Китай состоял из самостоятельных, борющихся



Гуань Юй



Сыма Цянь.
Знаменитый китайский историограф

между собой царств. Именно тогда и сложилась доктрина Сунь-цзы как учение о захватнической войне в интересах рабовладельцев.

Конкретное историческое содержание эпохи, общий ход исторического процесса того времени, как он раскрывается в свете нашей исторической науки, и определили понимание основных положений трактата. При изучении эпохи автор обратился к особому, до сих пор не привлекавшемуся материалу, к сочинениям по военному искусству, возникшим в ближайшие к эпохе Сунь-цзы времена — в период Чжаньго (403–221), именно — к трактатам «У-цзы», «Вэй Ляо-цзы» и «Сыма фа», а также к литературе, хотя и значительно более поздней, но тесно связанной с трактатом Сунь-цзы, как, например, к известным «Диалогам» Ли Вэй-гуна. Поэтому читатель найдет в книге ряд цитат из этих, а также других трактатов «Семикнижия», цитат, призванных как-либо осветить то или иное положение Сунь-цзы. Так создано определенное понимание трактата в целом, которому

подчинен весь русский комментарий и которое в систематизированном виде изложено в специальной главе «О военной доктрине Сунь-цзы».

Эпоха Сунь-цзы, рассмотренная с привлечением указанной специальной литературы, послужила первым материалом для русского комментария трактата. Огромную помощь в деле разъяснения трактата оказали, конечно, и китайские комментаторы. Как известно, комментарии на трактат Сунь-цзы стали появляться уже в древности; есть сведения о существовании таких комментариев уже в эпоху Хань (206 г. до н. э. — 220 г. н. э.). Они не дошли до нас, и наиболее ранний из известных нам — комментарий Цао-гуна — относится к началу III в. н. э. Комментирование интенсивно продолжалось и дальше, так что трактат постепенно оброс целой толковательной литературой. В конце концов в XI в. был окончательно установлен список наиболее важных и авторитетных комментариев из числа появившихся с III по XI в. включительно. Таких оказалось десять, авторами которых были: Цао-гун, Ду Му, Мэй Яочэнь, Ли Цюань, Ван Чжэ, Хэ Янь-си, Мэн-ши, Чэнь Хао, Цзя Линь, Чжан Юй. К ним обычно присоединяют еще и одиннадцатого — Ду Ю. Эти комментарии и стали сопровождать в дальнейшем всякое издание трактата, так как без них он для китайского читателя позднейших времен уже был во многом непонятен.

Ценность комментариев огромна. Авторы их — знатоки военного дела — дают богатейший материал для понимания той или иной мысли Сунь-цзы. Поэтому всякий переводчик, составляя свой комментарий, обязан пользоваться этим материалом. Однако комментирование трактата велось не только в Китае; Сунь-цзы, ставший классиком военного искусства на всем Дальнем Востоке, привлек внимание и японских военных писателей. Это было в феодальной Японии и наблюдается в современной.

Переводчик привлек только один из японских комментариев: старое толкование Огю Сорай (1750). Новейшими японскими коммен-

тариями автор не пользовался, так как, по его мнению, в них нет ничего, что заслуживало бы внимания с точки зрения раскрытия подлинного содержания учения Сунь-цзы. Поэтому читатель не найдет в настоящей работе никаких ссылок на этих комментаторов, хотя они автору хорошо известны.

Составляя русский комментарий трактата, автор ни в коем случае не исходил из какого-нибудь одного из этих комментаторов. Исходить из одного значило бы подчиниться его концепции. Но концепция каждого комментатора всегда отражает его эпоху, его личность. Автор же стремился, как сказано выше, понять мысль Сунь-цзы адекватно эпохе, в которую жил и действовал Сунь-цзы, и той социальной среде, интересы и чаяния которой он представлял, — насколько, конечно, наши исторические знания позволяют решить такую задачу. Автор постарался расширить эти знания привлечением нового, указанного выше материала: перечисленной выше древней китайской литературы по военному искусству. Старые китайские комментаторы привлекались лишь при филологическом изучении текста, необходимом для русского перевода. Как уже было сказано, многие слова и выражения трактата очень трудны для понимания, и не только для современного читателя: не забудем, что уже в эпоху вэйского Цао-гуна, т. е. в III в., понадобился комментарий, без которого этот трактат, очевидно, был малопонятен даже тогда. При этом самое беглое знакомство с комментаторской литературой убеждает нас в том, что различные комментаторы по-разному, иногда прямо противоположно понимали те или иные слова и выражения трактата, по-своему истолковывали смысл многих его фраз. Переводчик мог, конечно, предложить тот перевод, который с первого взгляда представляется как будто само собой разумеющимся. Однако долгий опыт работы над китайскими классиками убедил в том, как легко при таком неосторожном подходе вложить в исследуемый текст содержание, которого в нем никогда не

было. Поэтому каждую версию предлагаемого перевода необходимо было всегда проверять. Основным методом проверки правильности перевода того или иного места трактата было сопоставление этого перевода с переводом других мест, соприкасающихся по теме, материалу, мысли. Кроме того, возможность такого именно перевода оценивалась в свете общей концепции трактата, той системы взглядов, которая, по убеждению исследователя, в нем заложена. Но каждое установленное таким путем понимание переводчик сопоставлял с данными различных китайских комментариев, стремясь проверить



Ду Му

допустимость данного им лексического и грамматического толкования вообще. Однако для плодотворности этой работы было необходимо подвергнуть этих китайских комментаторов серьезному критическому рассмотрению, которое нашло свое отражение частично в основной части труда — разборе учения Сунь-цзы, частично в «Примечаниях». Если бы привести всю проделанную работу полностью, получился бы труд узкоспециального синологического характера. А именно этого автор и не хотел делать, так как он обращается, в первую очередь, к военному специалисту вообще, к историку военно-теоретической мысли. При этом, как уже сказано, китайские комментаторы во многом по-разному понимают своего автора, очень часто не согласны друг с другом. Их работы представляют род развернувшейся в истории китайской военно-теоретической мысли дискуссии по вопросам военной науки, а также своего рода историю развития этой мысли в Китае вообще. Но изучение этой истории задача особая, не входящая в рамки данной работы.

В заключение автор считает необходимым предупредить читателя о некоторых особенностях настоящей работы. В конце ее читатель найдет особую главу, названную «О военной доктрине Сунь-цзы». Эта глава является попыткой сопоставить отдельные места трактата, выяснить их внутренние взаимоотношения и представить при помощи такого анализа мысли Сунь-цзы как некую систему взглядов, как учение о войне, конечно, насколько это возможно по содержанию. Там же сделана попытка выяснить некоторые общеполитические основы учения.

Основы эти могут быть найдены, как показано в ряде мест комментария, в течении китайской мысли той эпохи, которое связано с «И-цзином» и дальнейшим развитием концепций древнего памятника. Такого рода задача в истории изучения «Сунь-цзы» до сих пор не ставилась ни китайскими, ни японскими комментаторами.

Западноевропейские специалисты-китаеведы, обращавшиеся к «Сунь-цзы», ограничи-

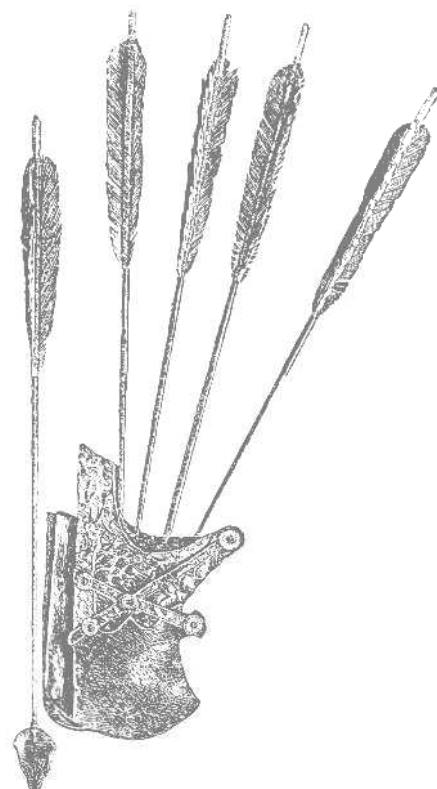
вались обычно простым переводом, да и то сделанным на основе одного какого-либо популярного китайского комментария. Ввиду именно такой задачи этой главы чисто исторический анализ учения Сунь-цзы сведен в ней к раскрытию в истории эпохи того, что дало общее направление мыслям трактата и определило некоторые его положения; общая же историческая характеристика предполагаемого времени возникновения трактата, т. е. эпохи У ба, дана лишь в самом кратком виде.

Многие положения Сунь-цзы, вероятно, вызовут у читателя-специалиста ассоциации с отдельными мыслями и даже с общими взглядами тех или иных писателей по вопросам военного искусства или полководцев различных стран. Но автор настоящей работы этого не затрагивает: во-первых, это — особая тема, выходящая за рамки настоящей работы, а во-вторых, автор не является специалистом по истории военно-теоретической мысли и не считает себя вправе делать какие бы то ни было сопоставления и выводы в этой области. По его мнению, это могут сделать и, как автор надеется, сделают наши военные специалисты, осветив, таким образом, место Сунь-цзы в истории древней военно-теоретической мысли и древнего военного искусства. Именно для такой совершенно особой работы автор и дает свой материал.

В заключение автор позволяет себе выразить надежду, что предлагаемый материал окажется небесполезным для историка военно-теоретической мысли. И если Сунь-цзы будет включен у нас в число авторов, более подробно изучаемых в плане истории военной науки, цель данной работы будет достигнута. Сунь-цзы на это имеет право не только потому, что он основоположник и важнейший классик старой военной науки в Китае и Японии, не утративший своего значения и в наше время, но и потому, что он наиболее древний из военных писателей мира, мысли которого дошли до нас в форме более или менее законченного трактата.

СУНЬ-ЦЗЫ

ТРАКТАТ О ВОЕННОМ ИСКУССТВЕ



*Перевод с китайского, предисловие
и комментарии академика Н.И. Конрада*



ГЛАВА I

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РАСЧЕТЫ

1. Сунь-цзы сказал: война — это великое дело для государства, это почва жизни и смерти, это путь существования и гибели. Это нужно понять*.
2. Поэтому в ее основу кладут**¹ пять явлений [ее взвешивают семью расчетами и этим определяют положение]***.
3. Первое — Путь, второе — Небо, третье — Земля, четвертое — Полководец, пятое — Закон.

* Ввиду того, что в разных изданиях трактата дается различная разбивка на абзацы, часто даже нарушающая единство фразы, переводчик счел себя вправе произвести свою разбивку, исходя из признака законченности той или иной мысли.

** Некоторые спорные места перевода оговорены в «Примечаниях». Цифры в тексте дают ссылку на соответствующее примечание к данной главе. Кроме того, что почти каждая фраза трактата разясняется в соответствующей главе «Комментария».

*** Слова, поставленные в переводе здесь и всюду, где следует, в скобки, представляют повторение таких же слов в каком-либо другом месте трактата, причем там они вполне уместны, будучи тесно связаны с общим контекстом, здесь же — явно излишни. Так, например, в данном случае эти слова повторяются несколько ниже — в п. 4, где им по содержанию и надлежит быть.

Путь — это когда достигают того, что мысли народа одинаковы с мыслями правителя², когда народ готов вместе с ним умереть, готов вместе с ним жить, когда он не знает ни страха, ни сомнений³.

Небо — это свет и мрак, холод и жар; это порядок времени⁴.

Земля — это далекое и близкое, неровное и ровное, широкое и узкое, смерть и жизнь⁵.

Полководец — это ум, беспристрастность, гуманность, мужество, строгость.

Закон — это воинский строй, командование и снабжение⁶.

Нет полководца, который не слышал бы об этих пяти явлениях, но побеждает тот, кто усвоил их; тот же, кто их не усвоил, не побеждает.

4. Поэтому войну взвешивают семью расчетами и таким путем определяют положение:

Кто из государей обладает Путем? У кого из полководцев есть таланты? Кто использовал Небо и Землю? У кого выполняются



**Китайская тяжелая кавалерия
династии Сун. Живопись XII в.**

правила и приказы? У кого войско сильнее? У кого офицеры и солдаты лучше обучены?⁷ У кого правильно награждают и наказывают?

По этому всему я узнаю, кто одержит победу и кто потерпит поражение.

5. Если полководец станет применять мои расчеты, усвоив их, он непременно одержит победу; я остаюсь у него. Если полководец станет применять мои расчеты, не усвоив их, он непременно потерпит поражение; я уйду от него⁸. Если он усвоит их с учетом выгоды, они составят мощь, которая поможет и за пределами их.
6. Мощь — это умение применять тактику⁹, сообразуясь с выгодой.
7. Война — это путь обмана¹⁰. Поэтому, если ты и можешь что-нибудь, показывай противнику, будто не можешь; если ты и пользуешься чем-нибудь, показывай ему, будто ты этим не пользуешься; хотя бы ты и был

близко, показывай, будто ты далеко; хотя бы ты и был далеко, показывай, будто ты близко; заманивай его выгодой; приведи его в расстройство и бери его; если у него все полно, будь наготове; если он силен, уклоняйся от него; вызвав в нем гнев, приведи его в состояние расстройства; приняв смиренный вид, вызови в нем самомнение; если его силы свежи, утоми его; если у него дружны, разъедини; нападай на него, когда он не готов; выступай, когда он не ожидает.

8. Все это обеспечивает воителю победу; однако наперед преподать ничего нельзя.
9. Кто — еще до сражения — побеждает предварительным расчетом¹¹, у того шансов много; кто — еще до сражения — не побеждает расчетом, у того шансов мало. У кого шансов много — побеждает; у кого шансов мало — не побеждает; тем более же тот, у кого шансов нет вовсе. Поэтому для меня — при виде этого одного — уже ясны победа и поражение.



ГЛАВА II

ВЕДЕНИЕ ВОЙНЫ

1. Сунь-цзы сказал: правило ведения войны таково:
2. Если у тебя тысяча легких колесниц и тысяча тяжелых¹, сто тысяч солдат, если провиант надо отправлять за тысячу миль², то расходы внутренние и внешние, издержки на прием гостей, материал для лака и клея, снаряжение колесниц и вооружение — все это составит тысячу золотых в день. Только в таком случае можно поднять стотысячное войско.
3. Если ведут войну и победа затягивается, — оружие притупляется и острия обламываются; если долго осаждают крепость, — силы подрываются; если войско надолго оставляют в поле, — средств у государства не хватает.
4. Когда же оружие притупится и острия обломаются, силы подорвутся и средства иссякнут, князь*, воспользовавшись твоей слабостью, поднимутся на тебя. Пусть тогда у тебя и будут умные слуги, после этого ничего поделать не сможешь.
5. Поэтому на войне слышали об успехе при быстроте ее, даже при неискусности ее ведения, и не видели еще успеха при продолжительности ее, даже при искусности ее ведения.
6. Никогда еще не бывало, чтобы война продолжалась долго и это было бы выгодно государству. Поэтому тот, кто не понимает до конца всего вреда от войны, не может понять до конца и всю выгоду от войны.
7. Тот, кто умеет вести войну, два раза набора не производит, три раза провианта не грузит; снаряжение берет из своего государства, провиант же берет у противника. Поэтому у него и хватает пищи для солдат.
8. Во время войны государство беднеет от того, что возят далеко провиант. Когда провиант нужно возить далеко, народ беднеет.
9. Те, кто находятся поблизости от армии, продают дорого; а когда они продают дорого, средства у народа истощаются; когда же средства истощаются, выполнять повинности трудно.

* О слове «князь» здесь и всюду ниже см. вводную часть к примечаниям к главе II.